

ЕЛЕНА



МАЛАХОВА

Семь кругов адского рая

*Она не просто картина,
она искусство...*



18+

Елена Малахова
Семь кругов адского рая

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Малахова Е. В.

Семь кругов адского рая / Е. В. Малахова — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

ISBN 978-5-5321-0953-7

Никита Соколов был полностью доволен своей жизнью, имея спутницу, работу и любимое увлечение. Но как же далеки его понятия от истины! Одна лишь встреча с таинственной незнакомкой напрочь изменит его внутренний мир, обрекая на семь кругов адского рая. Как найти незнакомую девушку в большом городе? Хватит ли главному герою мужества смириться с неожиданными подробностями жизни незнакомки и сохранить при этом непорочность великого чувства, особенно когда на пути встаёт судьба с клеймом зодиака на левой брови.

ISBN 978-5-5321-0953-7

© Малахова Е. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	25
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

«Можно соблазнить мужчину, у которого есть жена. Можно соблазнить мужчину, у которого есть любовница, но нельзя соблазнить мужчину, у которого есть любимая женщина.»

Омар Хайям

Посвящается Е. М. Малаховой

Глава 1

Чёрная, намытая до блеска Nissan Teana сразу бросилась в глаза из общей кучи автомобилей. Свернув с проезжей части на обочину, машина остановилась у банка в городе Благодатске. Из открывшейся дверцы седана показался высокий, подтянутый парень. Ветер порывом холода растрепал его тёмные волосы, ниспадающие на чело до линии бровей. Он выглядел моложе заявленных тридцати лет благодаря детской невинности, обнаженной во взгляде. Правильные черты, сливаясь с аккуратным, приподнятым носом, добавляли его лицу высокого изящества, какое наблюдалось в портретах Винтерхальтера.¹ Прихватив с собой кейс, молодой человек вошёл в пятиэтажное здание, лифтом поднялся на второй этаж и прошёл к стойке информации.

Там стояла русоволосая, приятной наружности девушка, оглядевшая его с ног до головы, едва тот покинул лифт: кожаная куртка и ботинки цвета горчицы, светлые джинсы смотрелись на нём просто, но со вкусом. Добрые глаза миндального оттенка располагали спокойствием. Видя, как девушка заинтересовалась, он подошёл ближе.

– Добрый день. Я Никита Соколов из компании «Design and Style». Мне назначена встреча с нотариусом.

– А меня зовут Ангелина Петрова, – выпалила она и закусила губу, понимая, что сболтнула лишнего. – Он ожидает вас; следуйте до конца коридора, первый кабинет от пожарной лестницы.

Опрометчивость девушки позабавила Никиту. Никогда не отказывая себе в возможности подразнить женский пол, Никита испытывал лёгкое удовольствие от мысли, что как и прежде способен затронуть любое женское сердце. По бледно-розовым губам его растекалась улыбка, проверенная годами. Облокотившись на круглую стойку, он подался телом вперёд, поближе к застенчивой девице.

– Благодарю вас, Ангелина Петрова! Вы мне очень помогли.

Улыбнувшись напоследок, он проследовал в направлении, указанном Ангелиной, и постучался в дверь обозначенного кабинета.

– Войдите, – послышался враждебный голос.

Никита вошёл и деловито поздоровался. Угрюмый человек, занимающий кожаное кресло, смерил его отчужденным взглядом, холодным и пристальным, от которого хотелось зажмуриться, как в часы таможенного контроля на границе, когда любого человека рассматривают, как потенциального преступника. Не только взгляд содержал в себе дурное: вся неприглядная внешность нотариуса обдавала чужеродностью, словно тот был не от мира сего. В беспроблемных глазах, как в котлованах смерти, не было ничего, кроме загадочной злобы. Вторили тому и прямые брови, отягощающие мимику. Над левой бровью простиралось красное тату, будто выжженное огнём, где по установленному порядку располагались знаки зодиака. Иссиня чёрные волосы неряшливыми патлами доставали подбородка и шеи, а костюм денди, скрывающий его худенькое тело, покоил в себе траур.

Прежде, чем начать разговор, нотариус небрежно указал на стул напротив себя, куда Никита, повинуясь, сел.

– Я пришёл по поручению Максима Грановского, – тем же мягким голосом пояснил Никита, положив кейс на стол. – Он сказал, необходимые ему документы готовы.

Нотариус молчал, не убирая с лица Никиты пронзающих глаз. Его безобразно кривой палец чеканил по щеке. Никита начинал терять терпение.

– Так они готовы?

¹ Франц Ксавер Винтерхальтер (1805—1873) – немецкий живописец и литограф, модный портретист середины XIX века. Создал единственную в своём роде галерею принцесс и аристократок практически всех стран Европы.

– Ах да, бумажки, бумажки, бумажки... – пренебрежительно поморщился нотариус. – Это всё, что вас интересует.

Никита обронил нервный смешок.

– По другой причине к нотариусу не ходят. Разве не так?

Отведя глаза, нотариус опустил иронию парня и методично продолжил:

– Значит, Максим Грановский – ваш верный друг и начальник, и вы собираетесь подменить его в офисе на время его отлучения из страны, – он ехидно уставился на Никиту. – Стало быть, будете управлять конторой?

– Стало быть так, – повторил Никита, слегка раздражаясь. – Позвольте забрать документы или заехать в другой раз?

– Торопитесь значит... Вы знаете, почему люди торопятся жить?

– Нет. Вероятно, вы знаете.

– Я знаю многое. Белка в колесе тоже торопится, утопая в надежде, что круг подойдёт к концу, и ей откроется мир свободы. Но круг есть бесконечность, и у него нет точки возврата. В таком случае куда она так торопится?

Нотариус зловеще осклабился, слегка отвернув голову в сторону, при этом глаза его смотрели на собеседника. Тон его речи носил издевательский характер, и Никита нахмурился. Происходящее казалось ему странным и неуместным. В отличии от всяких безумных белок и людей пробки не станут изменять своим планам, чтобы внести хаоса в дорожное движение, думалось Никите. Ему совершенно не хотелось попасть в час пик, а затянувшаяся встреча с нотариусом сулила именно такой неблагоприятный исход вечера.

– Простите меня, Лев Викторович, я правда опаздываю.

– Хорошо. Я вас больше не задержу. Только ответьте на последний вопрос: вы собираетесь примерить место руководителя рекламного агентства, а в своей жизни вы руководитель или подчинённый?

Смущенный Никита встал, забирая кейс.

– Извините, я зайду в другой раз.

Ядовито усмехаясь, нотариус протянул руку к близлежащей папке и, взяв её, отдал Никите.

– Любовь, как вижу, в вашей жизни лишь древний миф забытых книг; впрочем, как и сама жизнь. Вы романтик в душе, но рассудок ваш склонен к реализму. Всего доброго, Никита Андреевич, и не забывайте, что, как бы быстро белка не крутила колесо, это не вернёт ей волю. Тогда как умиротворения легко достичь, изменив привычный ход мыслей. Порой достаточно минуты, чтобы обрести покой, и минуты, чтобы навеки его потерять.

Никита не сумел ничего сказать. Забрав папку, он пожал руку нотариусу и более чем растерянным такой встречей вышел из кабинета в сторону лифта.

А тем временем на первом этаже этого здания в холле банка сидела взволнованная Евгения Жукова. Посмотрев на экран мобильного – прошло двадцать пять минут ожидания – она убеждала себя, что всё под контролем. Но чем дольше она это делала, тем сомнительнее становилась перспектива намеченного дела. Вот бы услышать голос, веющий поддержкой! Но телефон предательски молчал, и она убрала его назад в сумку.

С тех пор, как в жизни девушки произошли грандиозные перемены, времени ни на что не хватало. А сегодня вдобавок она спешила на очень важное мероприятие. Страх не поспеть к назначенному времени одолевал с новой силой. Ведь даже такая уважительная причина, как воплощение мечты в реальность, никак не оправдала бы её опоздания в столь знаменательный день.

Пока её голова полнилась тревогой, рядом на банкетку присел мужчина в изношенных шляпе и костюме, отливающим жирным блеском.

– Жизнь – это эфемерная преисподняя, – хрипло сказал он, и Жене показалось, говорил не человек, а скрипели несмазанные шестеренки.

– Простите, вы это мне? – уточнила Женя, взглянув на мужчину.

Он сидел с опущенной головой. Его серое обветшалое лицо скрывала чёрная шляпа с широкими полями. Пальцы, длинные и кривые, как ветки безобразного дерева, покоились на коленях.

– Да. Люди склонны полагать, что есть ад и рай – потусторонние миры душевной опочивальни. Но ведь ад и рай можно обрести, ходя ногами по земле. Вы со мной согласны?

Женя обронила невинную улыбку.

– Возможно.

– В вашу голову не уложить того, что пытаюсь до вас донести. Ступайте и не забудьте посмотреть на часы у выхода. Вероятно, это поможет избежать опоздания туда, куда вы так настойчиво спешите.

Женя опасливо взглянула на мужчину. Он встал и, приподняв шляпу, обжег её ненавистным взглядом. Над левой бровью красовалось клеймо, напоминающее зодиакальный круг. В тот же миг усталый клич динамика призвал обладателя талона С666. Женя вспорхнула с места, избавляя разум от скверны, посеянной незнакомцем, и вскоре с полученными документами неслась прочь от кабинки банковских операций.

Огибая по пути встречных людей, ей вспомнились слова неприятного мужчины, и она без воли повернула голову в сторону. Часы на стене, отбивающие ритм, участвовали в молчаливом заговоре исключительно против неё. Очередная потерянная минута добавлялась к получасу, просиженному в холле, и возможность успеть вовремя уменьшилась в геометрической прогрессии.

Так она не заметила, как добежала до лифта, опустившегося вниз. Двери неожиданно распахнулись, из тесной кабины шагнул Никита, и Женя, ещё смотрящая в сторону, врезалась в него с такой силой, что кейс вылетел из рук Никиты и с неприятным треском приземлился на кафель. Он хотел выругаться, но мимолетно взглянув на девушку, остановился, как вкопанный. Мгновение было секундным, но ему показалось, прошла целая эпоха. Хронологию её движений сознание воспринимало замедленным ритмом. Какое-то неведомое до ныне ощущение электрическим током пробежалось по телу, покрывая спину дрожью, а ладони – испариной.

Она подняла кейс и равнодушно протянула ему.

– Ради бога, извините, я не хотела!

Их глаза встретились. Ах, что это был за взгляд! Томный, очаровательный, безвинный. Её чёрные, словно ночь, глаза испуганно глядели ему в душу, побуждая её встрепенуться. Их пленительный блеск казался фантастичным, и Никита не был уверен, что девушка – не мираж богатого воображения. Крупные завитки каштановых волос падали ей на плечи, выделяя милое лицо; нос был правильной формы; тёмные брови пленяли густотой; полные, чувственные губы слегка приоткрылись. Он подметил, что тёмно-синие блейзер и брюки отлично подчеркивали её стройный силуэт.

Пока Никита не мог оторваться от девушки, Женя подскочила на ноги. Что-то белое скользнуло из её кармана и, свершив многочисленные пируэты в воздухе, удачно приземлилось на кафель. Никита бессознательно глядел, как очаровательное создание устремилось к выходу, как стеклянные двери распахнулись и выпустили её в мир гуляющего ветра. Он не смел двигаться. Его руки и ноги приковало к полу, и тело, скованное невесомостью, не хотело подчиняться. В воздухе упоительно витал аромат духов той, что растворилась в серости города за прозрачными стеклами.

Он ещё боролся с призрачными ощущениями, когда в кабину лифта скользнула Ангелина Петрова, пятью минутами ранее спустившаяся на первый этаж к кофейному автомату. Она одарила спину Никиты взглядом, полным обожания, и уже собиралась нажать кнопку «два»,

как вдруг в кабину шагнул мужчина в драповом пальто и с борсеткой в руках. Глаза Ангелины Петровой превратились в два огромных шара.

– Здравствуй, Ангелина, – сухо обронил мужчина. – Никита Соколов не приходил? У меня сегодня встреча с ним, а я как назло попал в пробку.

Ангелина вся побелела.

– Лев Викторович, так ведь вы только что были в кабинете, приняли его, и он ушёл, – промямлила она.

– Что за вздор? – раздраженно буркнул он, нажимая кнопку «2».

Услышав диалог в лифте, Никита обернулся. В кабине стоял нотариус, недавно сыплющий на него философией, только без тату на левой брови. Его гневный облик и безразличный взор сокрыли тяжелые двери. Никита встряхнул головой, не понимая, что произошло. Но одна мысль сильно давила на остальные, и он снова повернулся к дверям выхода: девушка исчезла. Никита уронил взгляд в пол, где лежал картонный прямоугольник, выпавший из её кармана. Он поднял его и бросился к выходу в надежде догнать девушку. Двери лениво разошлись в стороны, и он огляделся вокруг. По улице Ополчения сновали угрюмые пешеходы на тротуарах и сигналили машины, возмущенные затором. И среди этой отчужденной толпы нигде не мелькало лицо незнакомки.

Никита опустил глаза и оглядел находку. Это была визитка. Сверху курсивным шрифтом значилось: «Салон красоты у Маргарет», внизу – адрес и номер телефона.

– Значит говоришь у «Маргарет»?! – прошептал Никита, загадочно улыбаясь. – Вот ты и попала, таинственная незнакомка!

Глава 2

Заботливо накрывая землю одеялом мерцающих звёзд, сумерки опустились на здания мегаполиса, убаюканные звуком ревуших машин. Никита ехал в общем потоке, увлеченный мыслями, и загадочная улыбка не покидала его губ. В голове порхал образ простоты, непорочности и вдохновения – образ очаровательной девушки, блеск её чёрных глаз, весело танцующие по плечам кудряшки. Где она сейчас? Вот бы отмотать время назад и побежать за ней вдогонку, немедля ни минуты, узнать её имя и номер. Он достал из кейса визитку и прочёл ещё раз напечатанное курсивом. Чем дальше его глаза бегали по печатным буквам, тем шире становилась его улыбка. Светофор загорелся зелёным, и еле ползущий поток, подобно тяжёлому составу поезда, двинулся с места. Не успев проскочить на зелёный, Никита остановился у стоп-линии.

Ему не терпелось поехать в салон, таящий разгадку, с кем на этот раз столкнула его судьба. Он упоенно представил, как будет заигрывать с девушкой, а она, не сдерживая смеха, пуститься с ним в ярую дискуссию кокетства. Он был полностью уверен, что очарует её безо всяких усилий.

Та самоуверенность подпитывалась многолетним опытом в любовной практике. Он рос тихим, скромным мальчиком, чего не сказать о студенческих годах – он пользовался завидным вниманием сверстниц. Его харизма сводила девушек с ума; они считали его остроумным и находчивым. За время студенчества его личные отношения с женским полом имели характер скабрезного наваждения (именно так он называл мимолетные интрижки), или легкого флирта. Реже они выливались во что-то более весомое. Тем, кому не давал ни малейшего шанса на близкие отношения, искали в нём друга. Однако та дружба приносила одни расстройства, когда невинные помыслы всё же сводились к желанию стать для него кем-то большим, чем просто подругой.

Тем не менее пламенным чувствам к девушкам он отдавался не полностью, тогда как в творчестве выкладывал всю душу и тело. Живопись была его страстью! Каждый раз, начиная работу над произведением искусства, он закуривал «Капитан Блэк» и начинал водить кистью по холсту с заметным воодушевлением. Ничто не могло усмирить в нём потребность излить на бумагу те чувства, что тревожили его поэтичную душу; ничто бы не сумело вызволить его из рабства непорочных фантазий. Он был покорен неистовой страсти, порой пренебрегая обедом и сном.

– Ради любимого дела я готов на любые жертвы! – говорил Никита друзьям.

Предпочтение он отдавал пейзажам, поскольку для портретов, согласно его мнению, необходимо исключительное вдохновение, подаренное лишь «живописным» видом изображаемого человека. А в его ближайшем окружении таких людей не наблюдалось.

Подлинное влечение к искусству проявилось ещё в детстве Никиты на горькую беду его отца – Андрея Ивановича. Он, как бывший майор УВД, всю жизнь положивший к ногам работы, хотел, чтобы любимый сын пошёл по стопам правосудия. С ранних детских лет Андрей Иванович внушал Никите, что правильнее всего сделать выбор в пользу военной или гражданской службы Отечества. Но мальчик рос и всё больше времени проводил, разгребая завалы маминых рукописей.

Любовь Петровна – мать Никиты, посвятившая себя искусству слова, в частности сочинению современных детективов, работала дома и лишь изредка появлялась в редакции с готовым материалом для печати. Никита украшал последние страницы её черновиков гуашью в тему к содержанию книг. И в ту минуту отец понимал, что шансы отдать мальчика в военную академию или полицию, таяли на глазах. Сын отдалялся. Душою он близок творческому настрою матери, в глазах которой Никита оставался несмышлёным ребёнком. Она называла его: мой

маленький Ники, что выводило из себя Андрея Ивановича. В отличии от жены он не считал Никиту юнцом. Его брала ужасная досада от вероятности, что сын пойдёт по творческому бесполезному пути. Он так мечтал сделать из сына приличного гражданина, что закрывал глаза на его внутренние потребности реализоваться, как художник. Бывший майор испробовал всевозможные методы, доказывающие, что именно он авторитет в семье. А когда те не дали желаемых результатов, Андрей Иванович прибегнул к хитрости подкупа и на совершеннолетие Никиты сделал ему дорогой подарок, купленный на тайные сбережения. Тем он хотел доказать, что его профессией проще заработать, чем ремеслом художника. Но вопреки надеждам отца чёрная Теана не смогла убить в Никите натуру творческой личности.

Когда назрел вопрос поступления в вуз, Никита заявил о своём желании учиться в Петербургском художественном университете. Андрея Ивановича чуть удар не хватил от бесполового выбора сына. Он только что волосы не рвал на голове от исступления.

– Взгляните на него! – кричал разъяренный Андрей Иванович. – Собирается примкнуть к шайке этих дармоедов! Оболтусов, чьими руками и хлеба не заработать! Разбазарить лучшие годы своей молодости, чтоб так и не стать мужиком! Заиметь бабскую профессию! Художник Соколов... Что за унижительная фраза?! Кому нужна бездарность незнакомого лентяя? Или ты правда надеешься прославиться, как Шишкин и Саврасов, не вкладывая денег и не применяя связей? Не держи его! Пускай уходит! – обратился он к побелевшей супруге, преграждающей собой путь Никите с чемоданом в руке. – Ишь, характерные мы какие! Попомни моё слово: щенком побитым вернётся в этот дом!

– Андрей... Прощу! – взмолилась Любовь Петровна.

– Ты видишь к чему привели твои любовные детективчики? – не унимался он. – Вырастили себе вторую дочь!

– Уж если кто и воспитал во мне женщину, так это ты своей мужской безучастностью! – с этими словами Никита вышел из дома, громко хлопнув дверью.

С тех пор отец ничего не хотел слышать о сыне и криком реагировал на попытки жены донести последние вести о жизни их петербургского художника. Но стоило ей уединиться на кухне для разговора с Софьей – младшей дочерью – о Никите, как Андрей Иванович, проходящий в кабинет мимо кухни, замедлял шаг и с тревогой на сердце прислушивался к голосам. Нельзя сказать, что он подслушивал. Нет! Он просто проходил мимо, случайно услышал. Кто ж виноват, что эти глупые женщины не могут найти другого места для подобных бесед?! Полностью оправдав себя в собственных глазах, он шел дальше в кабинет. Сконфуженный тем, что Никита вопреки всему сдаёт экзамены, пророчества отца о возвращении блудного сына после безоговорочного провала становились всё более несбыточными. Это нестерпимо жалило его самолюбие, как и то, что Никита ютится в общежитии, подрабатывая в ночном клубе барменом. Но больше всего его злило, что Любовь Петровна помогает ему материально. Она брала из семейного бюджета энную сумму и отсылала маленькому Ники, ни минутой не помышляя, что супруг уже в курсе денежных манипуляций и с трудом сдерживает негативное мнение на этот счет. Последние слова, сказанные Никитой в сердцах, звучали с той же злорадной отчетливостью в его голове, и Андрей Иванович каждый день засыпал с вопросом: почему сын считает отца безучастным в своём воспитании!?

Со временем горечь обиды притуплялась, уступая место невыносимой тоске, вызванной аскетичным молчанием телефона. Андрей Иванович до последнего надеялся, что сын одумается, позвонит и попросит прощения. Он очень любил его. Правда, в душе; в самой глубине души. А разум упорно отвергал наличие сентиментального чувства. Им руководствовали гордыня и застарелый эгоизм.

Так шли годы, а Никита, обиженный непониманием со стороны родного человека, по-прежнему не собирался идти на примирение. Он слишком увлёкся тем, что происходило в

его жизни, что совесть его ничуть не мучила. Особенно теперь, когда разум пленился властью таинственной незнакомки.

Он продолжал вести машину в раздумьях о ней. Интересно, куда она так спешила? Беззаботная улыбка потухла, а лицо омрачилось. Что если она не одинока? Или клялась в любви и верности надутому от гордости пижону в зале бракосочетаний? Эта уничтожающая мысль породила в нём пламенную ревность. Он насилу представил соперника уродливым, с грузным телом, шершавыми руками и вздорным характером, чтобы унять бушующие чувства. Он не мог допустить, что тот привлекателен, галантен и наделен качествами идеала, которого так страстно ищут женщины. В противном случае их тёплые симпатии не сумеет разрушить ни одна хитроумная выдумка Никиты по завоеванию девушки. Ему стало ещё хуже от мысли, что у неё есть дети.

Считая их ненужным балластом, отнимающим кучу времени, он никогда не интересовался детьми и сколько раз убеждался в том, что материнские силы в полной мере брошены на удовлетворение потребностей детского организма и капризов, обижая подобным поведением мужское эго. А вдруг, вдобавок ко всему они ещё и маленькие?

Вспоминая, что тягаться с детьми невозможно, Никита поморщился. Назидательный урок опирался на случай студенческих лет, когда на последнем курсе кафедры после академического отпуска в его группу попала Ольга Лучинская. Никита обольстился её помпезностью и гордой осанкой, задаваясь целью соблазнить недотрогу. Однако, на деле она оказалась не такой уж неприступной, как того диктовала манера её скромного поведения. Часто, пренебрегая их свиданиями, она бежала к двухлетнему ребенку, который вечно капризничал, болел и плакал. Заметив, что Никита отдаляется, Оля пригласила его к себе, и как только малыш уснул в своей комнате, они уединились в спальне. Никита обнял её, страстно притянув к себе. И в тот самый момент из детской послышался голос мальчика. Он кричал, что ему страшно, и, затаив протяжный жалобный вой, стал ждать, когда в комнату прибежит растерянная заступница. Так закончилась их последняя встреча, и Никита зарёкся никогда не связываться с женщинами, у которых есть дети.

Пока он старался унять буйную фантазию, на пассажирском сидении зазвонил мобильник. На дисплее возникло фото светловолосой девушки с голливудской улыбкой.

– Более подходящего времени ты не нашла... – раздраженно сказал он, беря пиликающий телефон в руки.

Внутри него что-то сильно сопротивлялось, и в нерешительности действия он смотрел то на улыбку девушки, озаряющую дисплей, то на имя Эля, то вперёд на дорогу. И только спустя считанные секунды всё же сумел перебороть себя.

– Ник, ты приедешь за мной? – послышался нежный голос в динамике телефона.

Тон сказанного ею был утвердительным, и вопрос в форме настоятельной рекомендации категорически не подразумевал отказа.

– Я сегодня ужасно вымотался, – ответил Никита, пытаясь избавиться от нежеланного разговора. – Давай завтра. Я обещал к Серёге заехать.

– Но, Ник, мы вчера не виделись, теперь сегодня... Я очень скучаю. Мне Миланка такой маникюр сделала! Нужно твоё мнение. Кстати, ты не забыл, что у меня скоро день рождения?

– Забудешь тут... – тихо пролепетал он в сторону, отстраняясь от мобильного. – Эль, оно будет только через полгода. Я помню!

– Ты занят или не хочешь разговаривать?

– Я за рулём.

– Точно?

– Абсолютно.

– С кем ты едешь?

– Один.

– Что-то не похоже... Кто там у тебя?

– Никого нет. Я один.

– Ты меня за дуру держишь? Ты едешь один и не хочешь разговаривать? Ага, так я и поверила!

– Эль, перестань! Мне сейчас правда неудобно говорить. Я постоянно отвлекаюсь от дороги. Давай перезвоню позже?

– Ну вот началось. Обычно так выражаются парни, которые не собираются перезванивать.

– Да, на первых свиданиях. А не когда вместе два года.

– Не надо выставлять меня идиоткой. Кого ты там катаешь? Я хочу знать! Зачем ты меня обманываешь?

– Со мной никого нет. Перестань себя накручивать!

– Не верю! Раньше ты всегда говорил со мной за рулём и для тебя это не было помехой.

Никита тяжело вздохнул, крепче сжимая в руке телефон, а Эля продолжала нагнетать, подключая свои способности убеждения.

– Тебе всё равно, как прошёл мой день. Тебе даже трудно заехать оценить трёхчасовую работу моей подруги! И после этого ты хочешь сказать, что любишь меня? Мы не видимся целыми днями, Ник, и даже сейчас ты предпочитаешь поехать к Серёже, чем провести время наедине со мной! Какой же ты эгоист!

Никита молчал из последних сил, и она обиженно фыркнула.

– Между прочим, твой Серёжа – не пуп земли, может и до завтра подождать.

– Серёжа делает ремонт в галерее, которую я готовлю к открытию. Я не развлекаться туда еду, Эль, а ты ведёшь себя глупо.

Эля ещё продолжала щебетать, а по другую сторону линии уже пикали короткие гудки сброса вызова.

– Эгоист! – злобно процедила она, положив мобильник на стол.

Милана Бестужева оторвалась от кропотливой работы маникюрши и возмущенно взглянула на подругу. Двадцатипятилетняя, курносая и заурядного роста, она была обаятельна в гриме светских львиц. Впечатление портила одна природная деталь – безобразно тонкие, бесцветные губы, и только лишь выразительный взгляд скрашивал скудную их форму, заставляя приковывать внимание к красивым, широко распахнутым глазам.

С Элей она познакомилась год назад в тренажёрном зале. Будучи соседями на беговых дорожках, они стали сухо здороваться из вежливости, а несколько позже приветствия переросли в ответные улыбки и, наконец, закончились пустым диалогом. Непонятно до конца что именно сблизило двух высокомерных дам: Милана и Эля не относились к одному социальному рангу. Быть может, их объединило умение хладнокровно обливать грязью, что удавалось им безо всякого труда и сожаления. Тем не менее, они идеально сошлись характерами и прекрасно чувствовали душевное состояние друг друга.

– Он что повесил трубку? – возмутилась Милана.

Не в силах сознаться подруге в правоте её подозрений, Эля приняла невозмутимый вид, довольствуясь блеском отполированных ногтей.

– Разъединилось скорее всего, – ответила она, разглядывая выставленную вперёд руку. – Что я сказала не так?

– Не переживай! Ты прекрасно держалась. Всё было сказано по делу. Так с ними и надо! Иначе на шею сядут и ножки свесят.

– Да уж, – протянула Эля. – Зато теперь я никуда не тороплюсь.

– Вот и отлично.

Милана встала, избавляясь от рабочего фартука, и облегченно вздохнула. Рабочий день кончился пару часов назад, но она по-прежнему чувствовала себя измотанной. После работы Милану всегда забирал её ухажёр – Илья Загорин – широкоплечий, коренастый спортсмен

с восточными чертами лица. Она предупредила его сообщением, чтобы тот не торопился, и подойдя ближе к зеркалу, пристрастно оглядела себя. Напряженный день оставил печать усталости на блёклом лице. Она вспомнила, что припасла для важных гостей бутылку расслабляющего напитка.

– Предлагаю освежиться Мартини. Достань из холодильника, а я за бокалами, –скомандовала Милана, скрываясь в арке, ведущей в соседний зал.

Эля принесла бутылку и устроилась на мягкой софе. Разговор с Никитой не шёл у неё из головы. Как он посмел так непозволительно разговаривать с ней, Элеонорой Виноградовой? Никто раньше не позволял себе подобной наглости!

Эля с детства была заносчива, нетерпелива и высокомерна, и эти качества не были пороком врожденным. Скорее в них повинны богатые родители, всячески балующие любимое чадо. Они покупали ей всё по первому крику в детстве и по первой просьбе в отрочестве, а после окончания школы Эля жила, как хотела, и никто ей был не указ.

Одним таким бесполезным вечером после выпитых коктейлей представительницы манерной интеллигенции единогласно вынесли вердикт в пользу необходимости поступления в высшие учебные заведения. Не с целью просвещения ума возникла та необходимость; скорее то явилось отголоском новой моды устраивать фотосессии с дипломом в руках, цитируя народную мудрость: «Учение – свет, а не ученье – тьма». Девятнадцатилетняя Эля загорелась идеей поступить в строительный университет, о котором вздыхали накаченные губы женской половины Благодатска. А когда ей всё же удалось попасть в студентки того вуза – была несказанно горда собой и своими целями. Только вот наигранная тяга к учебе угасла через семестр, и спустя неделю, перегорев полностью, она перестала посещать лекционные занятия. Отец, нахваливающий дочь на званых обедах у компаньонов, сторал от стыда, когда Эля заявила, что намерена забрать документы из университета. Слепая вера в смыслённость дочери подвела. Чтобы не прослыть вралем и не пасть в глазах элитного общества, он покупал ей все положенные зачёты и экзамены. Но даже это не спасло от неминуемой трещины на репутации – в конце учебного года Эля бросила университет. Отец, обожающий своё дитя до глубокого умопомрачения, очень быстро утратил обиду на неё, а безрассудный поступок Эли потерял степень своей глупости. Она не заботилась о будущем. Обладая совершенными чертами лица и огромным состоянием, последние годы она успешно просиживала в салонах красоты, модных бутиках и клубах. Мужчины пускали по ней слюни. Угодить ей было сложно, потому её выходки расценивали, как свирепую пытку. Но вопреки всему каждый из них теплил мечту отвести Элю под венец, находя такой союз довольно перспективным предприятием. Но удача подобных мечтателей обходила стороной.

На момент их знакомства с Никитой, тот работал барменом в клубе «Голубая Лагуна». Навещая больную тётю в Петербурге по приказу отца, Эля от скуки заглянула в клуб. Никита заприметил у бара томную, красивую Элю, отвергающую попытки кавалеров угостить её напитком, и загорелся идеей узнать её поближе. Сверкая ослепительной улыбкой, Никита бесцеремонно заговорил с ней.

– Держу пари, тот парень в чёрной шляпе ни за что не обратит на вас внимания.

Она бросила равнодушный взгляд на говорящего парня, смахнув длинные волосы за плечо. Алые губы вытянулись вперёд, и она медленно произнесла:

– Это ещё почему?

– Разгадка тривиальна до тошноты... Если выиграю я – то мы встретимся с вами завтра.

– А если я?

Эта забавная игра начинала ей нравится, и далеко не банальная форма знакомства казалась Эле довольно милой. Да и сам молодой человек был очень симпатичным.

– А если вы, я исполню любое ваше желание.

Они условились обождать час. Этого времени Эля считала достаточным для того, чтоб её заметили. Она кокетливо поглядывала на парня в шляпе, а тот лавировал одновременно рукой и ногой в танце и совершенно не замечал её. И тогда Эля прошла мимо него и задела плечом. Рассыпаясь извинениями, накрашенные губы растянула виноватая улыбка. Парень в шляпе пожал плечами, а мутные глаза обдали холодным безразличием. В недоумении Эля вернулась на стул и перегнулась через барную стойку к Никите. Тот заканчивал делать клубничный Мохито.

– Я сдаюсь, – прокричала она. – В чём разгадка?

Никита ответил таинственной улыбкой. Он выждал, пока парень в танце повернётся лицом, и махнул ему. Тот подошёл к бару с немимым вопросом на лице. Никита протянул ему бокал готового Мохито и нарочно прокричал так громко, чтобы Эля могла услышать их диалог.

– Ты сегодня такой зажатый, приятель. Выпей, это поможет расслабиться!

– Спасибо, друг, – паренёк осклабился. – Я тронут твоей заботой!

Эля не обладала аналитическим складом ума, но слишком любезный ответ парня в шляпе заставил её смутиться. Она тщательно вслушивалась в разговор.

– А где же Марк? – спросил Никита. – Кажется, сегодня я видел его с незнакомым типом в вип-зоне: они страстно обнимались.

Парень резко осунулся и будто постарел на десяток лет. Ненаигранная боль отразилась на нежном его лице. Он молча взял коктейль и отошёл. Со стороны Никиты было жестоко так играть на чувствах другого человека, но он не имел привычки пасовать перед задуманным. Парень в шляпе, не сознавая того, стал орудием, которое помогло Никите обойти всех соперников одним махом. Невероятное умение отыскать ключ к расположению даже самой недоступной не раз выручало Никиту получить желаемое.

Эля закрыла лицо руками, не давая себе рассмеяться к концу трогательной беседы. Она поняла, что стильный парень был нетрадиционной ориентации, и разгадка оказалась, и впрямь, тривиальна до тошноты.

– А ты тот ещё проныра! Меня зовут Эля. Завтра в 12:00, кафе «Буше» на Малой Морской.

Никита самодовольно улыбнулся. Она оставила ему свой номер телефона и удалилась. Он покорила её остроумной шуткой, потому Эля осталась у тётки на пару недель. Их отношения постепенно набирали оборот, включая ссоры, обиды и счастливые моменты. С тех пор прошло два года, и всё стало тривиально до тошноты.

Эля нехотя оторвалась от дорогих воспоминаний, когда Милана вернулась с чистыми бокалами и села рядом.

– Быстрее бы моё день рождения, – сказала Эля. – Думаю, Ник сделает мне предложение.

Счастливая улыбка озарила лицо интриганки. Милана наполнила доверху два фужера и один подала подруге.

– Почему ты думаешь, что он его сделает? – спросила Милана.

– Я подслушала его разговор с матерью о фамильном кольце. Похоже, она собирается отдать безделушку на днях. Понимаешь, к чему я клоню?

Милана усмехнулась.

– И как относится свекровь к потенциальной невестке?

– Да плевать я на это хотела! – Эля истерично расхохоталась. – Пусть кольцо отдаст, и миссия её завершена.

Милана считала характер подруги дьявольски притягательным. Она понимала, как далеко ей до той, потому всячески пыталась скопировать поведение стервозной приятельницы.

– Тогда за Элеонору Соколову!

– За Элеонору Соколову – будущую жену известного художника Никиты Соколова.

Они весело посмеялись и после звона хрустальных бокалов испили напиток до дна во имя сладостной победы Эли над свободной жизнью.

Глава 3

Чёрная Теана укрылась на парковке Пушкинской улицы, сливаясь воедино с темнотой. Никита заглушил мотор и направился к белокаменному зданию с колоннами и барельефами в стиле ампир, которое два месяца назад арендовал, спасая от неминуемого одиночества. От фасада веяло стариной. В такой громадине едва ли обосновался магазин, салон красоты или банк, а вот для картинной галереи, выставки или музея весьма подходящий вариант. Раньше там ютилась городская библиотека, и несколько тысяч книг пылились на деревянных полках, ожидая, когда по затёртым страницам будут гулять пальцы увлеченных библиофилов. Мэрия города не выделяла необходимых средств для её содержания. Но несмотря на финансовые трудности, крах поджидал её с другой стороны. Создание в городе виртуальной библиотеки вызвало фурор среди молодёжи, бросившейся читать шумными толпами. Широкий ассортимент литературы привлёк людей от мала до велика. Таким образом, администрация не только решила проблему низкой успеваемости и нехватки полезного досуга, но и неплохо пополнила казну за счёт копеечной пошрины. Судьба городской библиотеки была предрешена, и вскоре её прикрыли.

Никита проследовал в залу, где горел свет одинокой лампочки на белом, высоком потолке.

– А-аа, – протянул Сергей Краснов, поворачивая голову в сторону двери. – Вот и наш талантливый художник!

Это был широкоплечий, русоволосый мужчина атлетического телосложения. Длинный, правильной формы нос, глубоко посаженные оливковые глаза и лёгкая чёрная щетина – все эти критерии внешности превращали метр 84 роста в неоспоримого брутала. Выглядел он солидно и впечатляюще, даже в рабочей синей форме, вымазанной побелкой. Когда Никита вошёл, он как раз заканчивал красить стену в углу, аккуратно скользя по ней валиком.

– Я вижу, кто-то совсем заработался, – подметил Никита, усаживаясь на единственный стул у стены. – Зря ты надеешься получить внеурочные! Я не в силах оплатить переработку.

Два друга слились смехом в один голос.

– Ничего, связываясь с тобой, я на многое не рассчитывал, – Сергей бросил мимолетный взгляд на друга. – А ты почему здесь? Разве ты не собирался к Эле?

– Я передумал. И мы поссорились.

– "Милые бранятся – только тешатся", – улыбнулся Сергей.

Никита покачал головой, взглядом следуя за рукой Краснова, выполняющей движение вверх-вниз валиком.

– Не на этот раз. Наши отношения заходят в тупик. Я весь измучился. Она ревнивая, шумная, эгоистичная. Я всегда стараюсь уклониться от ссоры, но видимо ей приносят наслаждение наши потасовки. И ведь какие глупые причины для скандалов! Их даже не существует, она придумывает их на ровном месте, не понимая, что сама испортила наши отношения, – Сергей урывками поглядывал на друга, а Никита продолжал, смотря перед собой. – Я понял, что расстояние вовсе не сближает в часы разлуки. Оно даёт нам право задуматься, что мы вполне вольны жить без другого человека, которого сочли себе парой.

Сергей повернулся к Никите и внимательно всмотрелся в его лицо.

– Интересная доктрина. Только сыровата для художника, привыкшего чувствовать и видеть красками. Ты черствеешь, мой несравненный друг!

Никита весело рассмеялся. Сергей обладал необычайным даром поднимать людям настроение. По сему было удивительно, что он не завёл семью или долгие отношения. Он был твёрд, как камень, и надежен, как морской узел.

Осмотрев покрашенные стены, Никита спросил о сроках завершения ремонта.

- Думаю, потребуется недели две.
- Материала докупать не придётся?

Сергей покачал головой.

– В моей бригаде работают трудолюбивые ребята, но не чистые на руку. Постараюсь присутствовать ежедневно, и тогда материала не только хватит, но и останется!

Оба посмеялись, и Краснов, закончив работу, убрал инвентарь в подсобное помещение, а Никита сидел, задумчиво глядя в потолок. В этих стенах тишина звучала непривычно, как-то по-особенному; и, казалось, эхо раздавалось в помещении, даже когда никто не разговаривал.

Отсутствующий взгляд Никиты не остался незамеченным. Сергей пристрастно осмотрел друга, будто стараясь проникнуть за пределы его удрученного разума.

- Что с тобой? Никак витаешь в облаках.

Никита ответил не сразу. Помолчав с минуту, он мечтательно промолвил:

- Я видел самые прекрасные глаза на свете ...

Глава 4

Сергей Краснов и Никита дружили с раннего детства. В отличие от друга он не получал высшего образования, а мастерству пришлось обучаться рано, что, благодаря целеустремлённой натуре, получилось блестяще. Спустя два года в строительной конторе Сергея повысили до мастера, уполномоченного командовать личной бригадой маляров и штукатуров. Так он с головой окунулся в работу, отодвигая личную жизнь на второй план.

Рядом с девушками он держался отчуждённо и неприступно, подобно Измайловской крепости во время штурма. Обиженные немислимим равнодушием дамы отправлялись восвояси. Краснов обожал заводить знакомства, и все без исключения люди были от него без ума: будь то бабушка из соседнего подъезда, или продавец магазина автозапчастей, или холенная красавица, строящая глазки в кафе за столиком напротив. Возможно, он заводил мимолетные интрижки, но об этой тайне, покрытой мраком, не знал даже Никита. Сергей всегда был готов прийти на помощь в трудную минуту, потому знакомые и друзья дорожили его мнением и делились с ним самым сокровенным, ожидая улучшения самочувствия душевного, а затем – физического после разлитой по бокалам порции старины «Jack Daniel's», если того требовала ситуация.

Отодвинув расстеленные газеты, Сергей устроился на столе и протянул пачку сигарет Никите. Тот отрицательно покачал головой.

– Заинтриговал, Никита Андреевич! – сказал Краснов, подкуривая сигарету. – Рассказывай.

Никита подскочил со стула, как ошпаренный, и принялся расхаживать по комнате.

– Сам не пойму, что со мной... Внутри что-то изменилось. Эти глаза как драгоценные сверкающие агаты! Но вся соль не в их цвете, блеске, форме – в них есть что-то адское или райское, чему не придумали названия на этой планете! Ты не представляешь, какая волна непонятных эмоций накрыла меня! Хочется петь, выкрикивать спонтанные слова и танцевать как в водевиле! Такое чувство, будто в сосудах нет крови, там – сплошной адреналин! Она зарядила меня невероятной энергией, и внутри меня всё шумит и закипает! – Никита развел руки в стороны, его счастливый взгляд устремился к потолку. – Хочется обнять весь мир! Небо! Землю! Всех людей, хороших или злых – да какая разница?!... Хочу отдать им всё, что имею, всё до единого рубля! И я чувствую за спиной огромные крылья, которые несут меня к небесам...

Сергей был ошеломлен. Возбуждённо жестикулируя, Никита выглядел несчастным поэтом, опьяненный рассудок которого помутился страстью к поэзии; а его признание напоминало сборник безумных сочинений. Но как бы там ни было, Никита получил облегчение от вылитой тирады и сел обратно на стул. Глаза его мерцали таинственным блеском, а щёки неистово пылали. Амплуа умалишённого человека развеял басистый голос Сергея.

– Никогда ещё не слышал подобной ахинеи! Но если ты все-таки решишься раздать вещи нуждающимся, хочу быть первым в списке претендентов на твой Ниссан.

Никита улыбнулся.

– Серы-ый, если бы ты только её видел...

Сергей усмехнулся.

– Да ты, мой бесценный друг, вляпался по самые уши! Любовь скрутила тебя.

– Не знаю. Я не уверен. Нет такого слова, чтобы охарактеризовать мои внутренние переживания в полном объёме. Но скажу я одно: эти глаза, как два сияющих агата, ходят за мной попятам, и я не хочу их прогонять...

– И где же ты обнаружил эти прекрасные глаза?

В краткой формулировке Никита ввёл его в курс дела, и Сергей, выслушав друга, задумчиво хмыкнул.

– Жаль, конечно, портить тебе настроение своим вопросом, но каким образом ты собираешься её найти? Конечно, мы сильно уступаем Москве, но городок у нас немаленький.

В миндальных глазах Никиты мелькнула тень коварства.

– У неё визитка выпала из кармана с адресом салона красоты. Завтра я съезжу туда, – он небрежно провел рукой по темно-русым волосам. – Пора заняться прической...

Сергей поразился. Никита был человеком флегматичного склада характера; он быстро загорался новыми девушками, но также быстро то чувство его отпускало. Внутреннее чутьё Краснова подсказывало ему, что Никита ещё хлебнет горя от пламени вспыхнувшего огня. Он долго наблюдал, как друг мельтешит по комнате, уточняя местоположение салона в мобильном. И только когда температура тела Никиты приблизилась к нормальным цифрам, и он заговорил спокойнее, Сергей осведомился его делами в офисе.

– Там всё идёт гладко, – отмахнулся Никита. – Макс улетает в Лондон на месяц, я буду на подмене. Днём мотался за доверенностью к нотариусу.

– Грановский никогда не сидит на месте. Не понимаю, зачем он огнездилился в офисе, если его призвание: кататься по миру и пудрить иностранные мозги коммерческими предложениями.

Громко смеясь, они сразу вспомнили, как Максим Грановский – директор рекламного отдела, искусно проводит деловые встречи. Необходимость столкнуться с места застрявший бизнес частенько приводит к нему итальянцев, испанцев и немцев. Когда необузданная скупость толкала тех начать торги с Максимом (они предлагали ничтожную сумму за полный пакет услуг, стоящий втрое дороже предложенных денег), он по вспыльчивости своей швырял нецензурную лексику в адрес заграничных скряг. Они удивлённо моргали глазами, не понимая смысла жаркой речи. Их скудный словарный запас ни раз давал Максиму шанс отыгаться на их филистерских познаниях. А молоденькая переводчица Ирина, привыкшая к буйному нраву начальника, переводила, как сломанный телефончик: неуместные ругательства заменяя вежливо короткими фразами. Но вести себя подобным образом он начинал только, когда его пытались одурачить. С достойными, по его мнению, людьми он вёл себя спокойно и расчетливо. Способность убеждать, развитая в колоссальной мере, помогала в подписании очередного договора с выгодными партнерами, и о нем начинали говорить, как о руководителе с большой буквы.

Грановский был самым что ни на есть экстравертом. Хамоватая натура с примесью необычайной наглости, несмотря на интеллигентное происхождение его рода, сформировалась на генном уровне ещё до рождения Грановского. Внешностью он не блистал: объёмный, с горбинкой нос; слишком светлые голубые глаза; русые, местами рыжие волосы и глубокая ямочка в подбородке. Единственным достоинством Максима можно считать лишь мускулистое тело. На массивных мышцах рук, казалось, вот-вот лопнут вздутые вены, а сквозь белую фирменную рубашку просился наружу пресс, толкая кубиками натянутую ткань одежды. Идеально прямым ногам с крепкими икрами могла позавидовать любая барышня, часами потеющая в спортзале. Выпивал он редко, но всегда до неходячего состояния.

Женитьба в его планы не входила, потому то с Юлей – помощницей отца в офисе, им не удалось сохранить крепость любовных уз. Она заявила, что созрела для семейных отношений и поставила перед фактом выбора: скорая свадьба или разлука. Максим пришёл в ярость! Никто не смел диктовать ему правила поведения и ставить перед ним немыслимые рамки. Он взревел, словно бешеный буйвол, сыпя на неё кучу обидных ругательств. В тот ненавистный день, совершенно не задумываясь о последствиях, он порвал с ней, а уже через неделю Юля покинула рабочее место в офисе во избежание нежелательных встреч с Максимом. С тех пор серьёзных отношений он не заводил, понимая, что девушки его возраста станут посягать на его личную свободу, с которой тот не готов расстаться; а те, что помоложе (так называемые им «пустые бесполезные курицы»), едва ли смогут разжечь в нём интерес. Но даже такие своеобразные

люди, как Максим, способны на патетичные чувства. Он сильно привязался к Юле за немалый срок отношений. Мотивируясь поговоркой: «клин клином вышибают», он стал волочиться за лёгкой добычей, в основном, за секретаршами на работе, желая как можно скорее избавиться от точащих переживаний внутри. Когда ему надоедала любовница, фирма выплачивала выходное пособие, и уже новый стук каблучков раздавался рядом с его кабинетом. Днём – увлечение, вечером – спорт. Так размеренно и стабильно протекали его деньки.

Друзей у него было немного, и лучшим в своём окружении он считал Сергея Краснова, который несколько лет назад познакомил его с Никитой на своём дне рождения за городом. Изрядно напившись дорогого виски, молодые люди стали спорить на любовную тему между собой. Максим хоть и слыл спесивым, хладнокровным человеком, но в любовь с первого взгляда верил свято.

– Мои родители душа в душу живут двадцать восемь лет, – с гордостью утверждал Максим. – И я, между прочим, результат их непорочной красивой любви!

– Я вижу насколько красивой была та любовь, – иронично подметил Никита, подразумеваемая ничем непримечательную внешность Грановского. – Всё это чушь собачья для любовных романов!

– Ай, Соколов, только не надо утрировать! Я привёл тебе живой пример. А какое доказательство своей версии есть у тебя, кроме того, что ты занудный скептик?!

– А таких доказательств нет в принципе в природе, потому что чувства такого рода может и существуют, но зовутся явно не любовью, – спокойно сказал Никита. – Ты сам посуди, как можно влюбиться в человека, не зная его, как личность? Не обмолвиться ни единым словом, ни единым прикосновением? Влюбиться с первого взгляда – значит влюбиться в человеческую красоту, оценив лишь его внешние данные. То есть у человека, не обладающего привлекательной внешностью по какой-то причине – будь то старость или изуродованное лицо после аварии – нет ни единого шанса на то, чтоб его полюбили с первого взгляда? Если любовь и красота – два понятия тесно связанных, тогда почему эту вашу любовь считают абсолютной, если на самом деле она так далека от совершенства?

Максим растерялся и не знал, что ответить. Сергей держался отстранённо, тихонько посмеиваясь над упертыми товарищами.

– Друзья! – говорил он. – Сила вашего логического мышления доходит до феноменальности. Но не стоит забывать, что товарищи – верные товарищи – куда важнее всяких споров! Предлагаю за это выпить.

Всё закончилось мирными объятьями и бокалом пенного в руке. Но перемирие не помешало каждому из спорщиков остаться при своём личном мнении.

За время студенческих лет их пути пересекались не часто. Максим получил образование маркетолога в Москве и ничуть не надрывался в поисках работы. Его отец основал компанию одну из двух в городе, порядка пятнадцати лет занимающуюся дизайном и рекламой под названием «Design and Style». И, вернувшись с дипломом в руках, фирма отца радушно встретила Максима в качестве директора рекламного отдела.

Никита, отнюдь – после окончания института все силы бросил на трудоустройство. Несмотря на отличное резюме, характеризовавшее его, как дисциплинированного, трудолюбивого работника, удача улыбнулась ему не сразу. Ни для кого не секрет, что востребованность в живописцах и дизайнерах интерьера не велика. Да и в узкой специализации без опыта работы трудно получить вакантное место. Спустя месяц после отправления резюме Никите случайно позвонил Максим, чтобы узнать, как тот поживает. Когда Никита сообщил, что не нашёл работу, Максим потолковал с отцом, и на следующей неделе Никита получил заветную должность архитектурного дизайнера в «Design and Style».

После того, как Никита доложил Сергею о рабочих моментах офиса, он сразу сделался серьезным.

– Знаешь... Сегодня ведь не только незнакомка поразила меня. Нотариус, у которого забирал доверенность, похоже был не в себе.

Никита приступил к повествованию той встречи, припоминая дословно его загадочные изречения. Сергей слушал вдумчиво, иной раз вдыхая смолы дымящейся сигареты. В его мимике застыл открытый скептицизм.

– Да мало ли на свете безумцев, – ответил он в конце рассказа Никиты. – Не засоряй голову бесполезными мыслями.

– Да я сам в это не верю, но никак не могу перестать об этом думать. Я видел его в кабинете, а потом в лифте... И оказалось, он только что прибыл из дома и якобы не встречался со мной, – Никита сделал паузу. – Как это объяснить?

– Быть может, у него серьёзное расстройство памяти или есть двойник. Уж не думаешь ли ты, что это демон, низвергнутый пучиной небес на землю?

Сергей расхохотался, но Никита испытывал необъяснимые трепет и волнение, обволакивающие сердце, и оно начинало быстрее стучать в груди.

– Не знаю. Здесь явно что-то нечисто. Макс говорил, нотариус – толковый мужик, лучший в городе! А главное – здравомыслящий. Но теперь я начал сомневаться.

– Да брось, Ник, всё это ужасные сказки на ночь! Доверенность ты получил, что ещё нужно? Забудь.

Никита растерянно кивнул.

– Ты прав, ерунда какая-то! Не стоит даже вспоминать.

Глава 5

Благодатск – городок средней полосы России с полумиллионной численностью населения. На западной стороне его громоздились горы Крижачи, на несколько сотен метров прокалывая кучевые облака острыми пиками. Они славились гостеприимностью и спокойствием; о лавинах и селях там не слышали с прошлого столетия. Безопасное нахождение на максимальной высоте хребта в своё время привлекло массу приезжих альпинистов и сноубордистов. На главных улицах плечом к плечу теснились витрины продовольственных магазинов, хозяйственных лавок, деликатно пропуская между собой здания детских садов, школ, ресторанов, больниц и других госструктур, характерных в любом городе. От Центральной улицы до торгового квартала, по мостовой через узкую, но глубокую реку Беглянку можно попасть в зелёную парковую зону. Там за пожелтевшими верхушками деревьев выглядывало колесо обозрения и несколько других аттракционов. Обогнув парк или пройдя сквозь тенистую аллею из микса дубовых и кленовых деревьев, взору открывался потрясающий вид на гладь тихого озера.

Раньше, когда о парке ещё не задумывались в кругах мэрии, озеро веяло чистотой и непорочностью. Красоту водоёма, сокрытого в лесном массиве, сложно передать словами. Сидя на берегу у камышей, нельзя не насладиться успокаивающей тишиной. И только дикие утки, опускаясь на водную поверхность, не боялись нарушать её великого безмолвия. Потому-то давным-давно эти места нарекли Тихими Заводами.

Со временем люди облюбовали живописное место, и заводи тихими назвать было трудно. Всё чаще там попадались кучки отдыхающих горожан с палатками, покрывалами и ручной кладью для пикника. Они жадно впитали солнце и наслаждались видением, как в прозрачной зеленоватой воде копошатся мелкие мальки.

На другом берегу озера, где людей сновало значительно меньше, сонливо усталились на Тихие Заводи десятки заселенных коттеджей и новостроек. Семья Соколовых участком на Заводах владела давно. Андрею Ивановичу дом и сад в несколько соток земли достались по наследству от отца. Каждое утро Андрей Иванович уединялся в тени садовых деревьев и, вдыхая свежий утренний воздух, наслаждался прекрасной погодой. Это утро не было исключением.

Дурманящий запах аппетитного завтрака разнесся по всему дому. Любовь Петровна готовила для мужа яичницу с помидором и беконом. Андрей Иванович уже сидел в кресле-качалке в саду, увлеченно листая утреннюю газету. В те моменты он размышлял на темы, которые предпочитал обдумывать в одиночку. Но неугомонные утки то и дело отрывали его от любимого занятия весёлым кряканьем. Он хмурил полуседые, негустые брови и шурил зеленые, глубокие глаза, будто негодование, вылитое на его широком лице, могло бы вразумить птиц вести себя потише. Хотя надо признать, что голосом он бы добился больших успехов. В нем присутствовала офицерская грубость: отчетливый, звонкий; слова, сказанные таким голосом, обладали внушающим действием. И он немало достиг благодаря ему.

С Любовью Петровной они были полной противоположностью, словно огонь и вода. Любовь Петровна обладала мягким складом характера, всегда прибегала к женским хитростям во избежание ссор и имела безграничный запас терпения. Этим качеством сын походил на мать, однако, унаследовал Никита и некую часть характера отца: спесивое упрямство.

Любовь Петровна убедилась, что Андрей Иванович спокойно читает газету, и набрала Никите, ожидая услышать в трубке бодрое «алло».

– Доброе утро, ма, – послышался тенор сына, не имеющий ничего общего с бодростью. – Который час?

– Ники, ты что ещё спишь? Уже девять утра.

– Что? Только не это! Я снова проспал. Мам, я перезвоню!

По ту сторону линии слышался треск от положенной трубки, и длинные гудки рывали телефон своей монотонностью. Любовь Петровна улыбнулась. Частенько в школьные годы приходилось будить сына в два захода; Никита давно не мальчик, а привычки остались прежними.

Андрей Иванович всё также сидел спиной, погруженный в чтение. Она разложила завтрак по тарелкам и понесла в сад.

Глава 6

«Утро добрым не бывает!» – мелькало в голове Никиты, бегущего по офисным ступеням в кабинет. Рабочий день летел незаметно. В перерыве на обед половина сотрудников приступала к поеданию домашней пищи из контейнеров; другая половина покинула офис, как тараканы, разбегаясь по близлежащим заведениям общепита.

Никита воспользовался временем обеда с пользой, отправляясь в салон красоты, указанный на визитке. «У Маргарет» он провел тщательное расследование с допросом всех работников в подряд. Но никто из персонала по описанию внешности сбежавшей девушки не признал в ней ни клиентку, ни работающего там специалиста.

Он расстроено поплёлся к машине. Нежный образ черноглазой нимфы болезненно пульсировал в голове, не давая покоя. На улице стоял тёплый день, но ему стало дурно и зябко. Казалось, наступили тьма и холод, которым нет ни конца, ни края. Разочарование, безысходность, обида на себя за бездействие в момент их столкновения – все эти чувства сплотились в нём и бичевали ноющее сердце. Он сел в машину и от досады стукнул кулаком в руль. Ему потребовалось несколько минут, чтоб усмирить внутри бушующий вулкан непокорных страстей. Предупредив на работе, что якобы задержится на новом объекте, он повернул ключ зажигания, и машина пустилась к Тихим Заводам. Растроганной душе хотелось тишины, а разуму – чёткого плана дальнейших действий, и зелёная лужайка у озера – лучшее место для размышлений.

На ближайшем светофоре загорелся красный, и Никита набрал номер матери.

– Ники, ты вовремя! Приезжай на пикник. Отец уехал в горы с Кончаловскими и вернётся поздно.

Ласковый голос матери внёс гармонии в душевное состояние парня. Он понял, как сильно ему не хватает её понимающего общества, потому спустя двадцать минут был на месте, помог ей сложить необходимое для пикника в плетеную корзину, и они вместе побрели в сторону парка по выкошенной лужайке.

– Как странно устроен мир, сынок. Когда ты был совсем маленьким, ты мне всё рассказывал. Возьми хоть тот случай с отцовским патроном. Помнишь? Ты спрятал его за домом, а Андрей грозно кричал, что непременно накажет всех виновных в краже. Ведь он до сих пор не знает наверняка, чьи ручонки рылись в его кабинете.

Никита мягко улыбнулся, припоминая неистовый страх перед отцом. В те годы он сильно боялся поступить наперекор ему.

– Мам, не люблю, когда ты ходишь вокруг да около. Скажи сразу, что ты хочешь узнать?

Любовь Петровна проникновенно взглянула на сына.

– Ты собираешься жениться, дорогой, а я в полнейшем неведении, кто твоя невеста. Почему ты не привезешь её к нам? Не спорю, твоя мать уже не такая красавица, как раньше, но один вечер стыда ты сумеешь перенести.

Никита беззаботно рассмеялся.

– Мам, что за глупости? Ты самая красивая и добрая женщина на всём белом свете.

– Тогда в чём причина? Ты больше не доверяешь мне?

Вспоминая, как удачно Эля показывает свою необразованность и надменность, он стеснялся рассказывать о ней людям с понятиями. Он знал, что мать в любом случае поддержит его, но как справиться с неловкостью, когда ему будет нечего сказать о ней, кроме как о природной красоте и её богатстве? И как пережить стыд, если она что-нибудь эдакое выдаст при матери? Никита оставался при мнении, что не стоит торопить события.

– Как раз-таки доверяю, поэтому не привожу, – помолчав, изрек он. – Меня мучают сомнения. Боюсь, тебя они тоже замучают.

– Позволь узнать какие? Вдруг я сумею облегчить твою голову.

Никита молчал. Ему безумно хотелось поделиться рассказом о незнакомке. Запутанные мысли о ней перевернули его душу вверх дном. Любовь Петровна внимательно глядела на сына.

– Конечно, родной, я не в праве вторгаться в твою личную жизнь. Ты у меня взрослый рассудительный мужчина. Только знай одну маленькую истину, сынок: порой испытания, дарованные нам с неба, по незнанию мы проклинаем. Но лишь благодаря этим испытаниям посреди полного мрака можно увидеть свет божественного счастья.

На щеках Никиты заиграли ямочки очарования. Он приобнял мать и сделал глубокий вдох. Свежий озерный воздух проник в лёгкие, успокаивая нервы. Ему показалось, невидимая сила подхватила и унесла его падающее тело подальше от бездны разочарования.

Они расположились на противоположном берегу от дома, чтобы в случае внезапного возвращения Андрея Ивановича не попасться ему на глаза. С каждой минутой хлопковый плед всё больше напоминал скатерть-самобранку. Долгие разговоры по душам о работе, галерее, Софье, которую Никита не видел больше месяца, перенесли их в иное измерение. Никого не замечая – словно прошлое обернулось настоящим, и не существовало стены между сыном и отцом, мешающей как раньше просиживать вечера напролёт за чашкой чая – мать и сын болтали, уплетая тёплые закуски. Погода создала благоприятные условия для отдыха. Вода блестяла от купающегося в ней яркого солнца; утки восторженно хлопали крыльями, виляли хвостами и, точно возомнив себя на цирковом манеже, развлекали детишек, с визгом кидающих в воду кусочки белого хлеба. А высокие деревья шумели в такт происходящему, создавая музыкальный фон для бродячих артистов.

Любовь Петровна устремилась глазами вперёд, наслаждаясь жареным чесночным тостом. Спортивный костюм смотрелся на её форменном теле с невинной нелепостью. Не взирая на то, что возраст подбирался к заветному юбилею, лицо её по-прежнему выглядело молодым и ухоженным, без глубоких морщин и дефектов. Густые, карамельные волосы вперемешку с махагоновыми прядями были собраны в высокую причёску заколкой-крабом. Аккуратно вздернутый нос горделиво возвышался над скулами. Взглянув на мать и сына со стороны, становилось понятно, что сходство их внешности составлял изящный нос.

– А знаешь что? – вытирая руки салфеткой, спросила Любовь Петровна.

– Что? – с набитым ртом промямлил Никита.

– Я вижу палатку с мороженым.

Она вопрошающе посмотрела на сына своими глазами цвета карамели.

– Зима на носу, ма, а тебе хочется замёрзнуть раньше времени!?

– Сынок, не ворчи. Посмотри, какая чудная погода! И между прочим, матери грешно отказывать!

– Ладно. Сдаюсь, сдаюсь!

Она еще продолжала мечтательно улыбаться, а Никита стремительно направился к палатке у входа в развлекательный парк.

Вскоре он вернулся с двумя ванильными рожками в руке и обнаружил пустое покрывало, где лишь корзинка с остатками недавнего пира подтверждала, что он не ошибся лужайкой. Недоумевая, Никита огляделся по сторонам. В панораме оживленного парка нигде не мелькала фигура матери. Он сел на уголок пледа, спиной к коттеджам и достал телефон, сигналивший стандартной мелодией. Звонила Эля. Она весело поздоровалась, будто между ними накануне не возникало претензий и недовольства.

– Ты ещё сердишься? – ласково спросила Эля.

– Нет, я не умею обижаться.

– Знаю. Простишь меня?... Хотя я считаю, это тебе в первую очередь нужно просить прощения.

– Ты звонишь поругаться?

– Нет, – её голос дрогнул. – Я так ждала твоего звонка вчера, а ты не позвонил. Почему? Никита не любил отвечать на вопросы, ответ на которые казался очевидным. Он придерживался мнения, что человек не звонит лишь по двум причинам: ему не интересно, как протекает жизнь другого, или он чертовски занят неотложными делами. В итоге, всё равно второй вариант сводится к первому. Ведь было бы желание – а время всегда найдётся.

– Да некогда было, – ответил Никита, продолжая вертеть головой.

Эля ждала, что Никита поинтересуется, как проходит её день, но Никита молчал. Страх, что он снова повесит трубку, не закончив разговора, пересилил амбиции блондинки.

– Приезжай сегодня ко мне. Посмотрим фильм, закажем что-нибудь из итальянского ресторанчика. А то ты у меня такой худенький!

Забота из уст избалованной девицы звучала неправдоподобно и резала слух. Никита не понимал, как можно якобы переживать за его фигуру, но стараться откормить его чужими руками. Готовить Эля не умела и не хотела, ибо не царское это дело, потому испробовала весь ассортимент меню лучших ресторанов города. Никита не имел ничего против ресторанной еды, но забота девушки противоречила способу её проявления. Вся её чувственность – сплошная фикция. Он часто задавался вопросом: зачем выставлять за действительное то, что никогда таковым не являлось? Но все же у него хватило самообладания, чтобы не высказать ей этого.

– Буду часам к восьми, целую.

Никита отключился и вернул телефон в карман. Прямо за его спиной послышался шорох бумаги. В полной уверенности, что исчезнувшая странным образом Любовь Петровна вернулась для продолжения пикника, он обернулся. Но догадки оказались не верны. То была маленькая очаровательная девочка. Она лежала на животе и энергично болтала согнутыми ногами. Её русые волосы водопадом мягких прядей ниспадали на альбомный лист, где стены нарисованного домика движеньем цветного карандаша облачались в малиновый цвет. Никита улыбнулся, а голос его заиграл ироничными нотками.

– Здорово же вы помолодели, Любовь Петровна!

Девочка подняла на него большие зеркала души и снова опустила вниз. Столько осознанного смысла было в этом коротком взгляде! Художника заинтриговало поведение девочки. Она молча, как ни в чем не бывало, продолжила разукрашивать рисунок.

– Похоже, мадам, вы помолодели куда больше, чем я предполагал, и потеряли дар осознанной речи.

Ответной фразы не прозвучало, и, только закончив с крышей, она снова поглядела на Никиту равнодушными глазами.

– Ты похож на Безумного Шляпника², – промолвила девочка. – Он тоже говорил непонятно.

Никита рассмеялся.

– Да ты та ещё шутница, мам!

– А я не шучу, – не поднимая головы, сухо ответила девочка.

Забавно... Она появилась так внезапно, из неоткуда, на его покрывале и совершенно не хотела контактировать. Никита загорелся идеей во чтобы то не стало добиться расположения маленькой вредины и неожиданно смутился. О чем, интересно, в обычной обстановке говорят с детьми? Впервые возникшие тёплые чувства к ребёнку росли с каждым последующим её ответом.

Никита перевёл взгляд с девочки на рисунок и спросил:

– Это домик, в котором ты живёшь?

² Или Болванщик – персонаж сказки Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране Чудес».

Она удивлённо заморгала, посмотрев на бумагу, затем на собеседника. Её умные глаза светились взрослой уверенностью. Никитой овладело странное чувство, будто он знал это милое личико всю жизнь, и неясная ностальгия сжала его размеренно бьющееся сердце.

– Ну и глупости! – фыркнула девочка. – Вы вроде взрослый, а говорите, как маленький. Как можно жить в таком доме? Он же бу-маж-ный!

Никита засмеялся, прикидывая, что с виду девочке не больше шести лет, но она без труда развеяла скудные его представления о детской сообразительности в этом возрасте. Он полагал, что дети глупы вплоть до юности. Тот серьёзный вид, с которым девочка рассуждала, вызывал у него улыбку. На её фоне он выглядел смешно, что только сильнее подзадоривало его.

И Никита решил изменить тактику. Желая быть с девочкой наравне, сперва он лёг на живот рядом с ней, а потом спросил, играя интонацией.

– А хочешь, я помогу тебе нарисовать, например... Например, утку?

– Ты умеешь рисовать?

Она недоверчиво покосилась на Никиту. В тот момент ему показалось, что взрослая жизнь остановилась на месте, вернув ему десятка два ушедших лет. Он почувствовал себя озорным мальчишкой. Девочка цепляла его верной точкой зрения на неоднозначные для ребёнка понятия и развитым не по годам интеллектом. Несомненно, она была особенной!

– Увидишь!

Лёгкими движениями он принялся водить карандашом по листу, нанося прямые и косые штрихи с правильной методикой нажима на графит. С неподдельным интересом смотрела она, как на глазах рождается шедевр. Её улыбка становилась всё шире, а крохотное лицо просияло радостью.

– Готово! – сообщил Никита с улыбкой.

– Ой, да она же как живая! – девочка захлопала в ладоши. – А что ты ещё умеешь рисовать?

– Всё умею. Ты только скажи.

– И меня нарисуешь?

– Конечно нарисую.

Она смотрела на него зачарованными глазами. Все неловкие преграды в общении, несколько минут назад мешающие появлению её улыбки, были сломлены. Её проникновенный взгляд качнул глубоководье его души до такой степени, что ему не хотелось расставаться с девочкой.

Мать Никиты стояла позади и молча наблюдала за ними. Она подошла как раз, когда новые приятели корпели над рисунком, и не верила собственным глазам. Никита никогда не питал должного интереса к детям, и Любовь Петровна знала, что обзаводиться своими в ближайшее время Никита не собирался. И она смиренно ждала, когда на него обрушатся чары многовековых инстинктов. Она понимала, что давление на сына только усугубит без того предвзятое отношение к потомству. А как бы ей хотелось лелеять родных внуков! Так разве им об этом скажешь?! Ни сын, ни дочь не торопились осчастливить будущую бабушку, а ведь ей без малого пятый десяток.

– А как тебя зовут? – любопытствовала девочка.

Никита улыбнулся. Маленькая девочка разожгла в нём азартного игрока. Снова ощутив вкус победы, он остался доволен собой и тем, что находчивый Никита Соколов в который раз сумел завоевать новое сердечко, и не важно, что оно крохотное.

– Зови меня просто: Безумный Шляпник.

Девочка собиралась представиться, но замялась – со стороны парка доносился обеспокоенный женский голос.

– Алиса! Алиса! Ну где же ты? Алиса!

В момент собрав рисунки, девочка подскочила на ноги и побежала по залитой солнцем лужайке. Ветер игриво путал её длинные волосы, а подол розового платяца, как государственный флаг мэрии, развивался плавными волнами. Она обернулась и энергично помахала рукой.

– Пока, Шляпник!

Одаривая улыбкой новую подружку, Никита сдержанно махнул ей в ответ.

– Мой мальчик, ты ли это?!

Любовь Петровна не скрывала умиления на лице. Оказывается, её сын довольно умело общается с маленькими детьми. Ласковый тон матери заставил Никиту смутиться, и он не ответил. Любовь Петровна села на покрывало и приступила к допросу.

– Кто эта прелестная особа?

– Это Алиса.

– Откуда взялась эта Алиса?

Никита бросил мечтательный взгляд в сторону парка, где недавно скрылась девочка.

– Я бы тоже хотел знать. Может, сбежала из Страны Чудес...

Ему стало интересно, увидятся ли они снова? Второй раз за короткое время его руки чесались написать портрет, чего не случалось ранее. Какое странное стечение обстоятельств: то ни одного «живописного» лица, то целых два! Никита вдруг вспомнил о загадочном исчезновении Любови Петровны.

– Мам, а ты-то куда пропала!?

– Мне позвонила соседка, сказала, что видела Севера неподалеку от дома. Негодник опять сорвал цепь! Вот и пришлось бежать домой.

Стародатская легавая по кличке Север появилась в семье, когда Андрей Иванович заинтересовался охотой на пару с Кончаловским Николаем Алексеевичем. Они жили по соседству более десяти лет и частенько выходили к подножию гор с собаками, чтобы размять застарелые мышцы и подышать горным воздухом.

Север не выносил одиночества. Он сходу привязывался к людям, смотрел на них добродушными глазами и дружелюбно вилял бело-шоколадным хвостом. Однако, вид охотничьей породы окружающих пугал не на шутку, когда тот пробегал в ошейнике с порванной цепью. Кто знает, чего ожидать от глупого животного? Никита любил пса. В своё время именно он подкинул идею, как назвать собаку. Прошло столько времени, что остаётся только догадываться, узнает ли Север его теперь.

Глядя на мать, Никита искусился подразнить её.

– Я прихожу с мороженым, а тут ты, такая молодая и посвежевшая...

– Значит, я по-твоему старая? – изумилась Любовь Петровна, а её брови недоверчиво подскочили вверх.

Никита всегда смеялся при виде сомнения, выраженного на лице матери. В его памяти возникли кадры далекого детства: вот брат с сестрой покорно идут к матери с недельными оценками. Листая дневник Софьи, Любовь Петровна обнаружила у дочери двойку, о которой якобы знала, что доказывало наличие её подписи рядом с плохой оценкой. С той же забавной мимикой лица она уточнила: «Неужели я расписывалась на прошлой неделе? Что-то не припомню». Никита мастерски подделывал подписи родителей. Они еле держались, чтоб не выдать себя раньше времени заразительным смехом. Зато после, в комнате Софьи, два афериста гоготали до колик в животе. Он понял, как сильно скучает по сестрёнке и мысленно дал себе зарок встретиться с Софьей в ближайшее время.

Никита нежно обнял мать за плечо.

– Ну что ты, мам, – на его душе стало тихо и спокойно. – Ты у меня самая лучшая!

Глава 7

Прошло две с половиной недели после встречи Никиты с матерью. Наступила пора осенней непогоды. Ветер обжигал лицо ледяными порывами. Желтое покрывало земли из опавших листьев обдавало холодом. Солнце не показалось несколько дней, и голые деревья стояли уныло, навивая меланхолию по безвозвратно потерянной, летней поре. Душевное состояние природы дополняло апатичность Никиты. Всю неделю он ходил, подобно тени, удивляясь стабильности дурного настроения, и только после четырёх дождливых дней ясное утро понедельника принесло ему облегчение.

Никита отправился в кафе на углу Ленинской улицы. Несмотря на то, что изрядно припекало, Никита знал насколько обманчиво солнце в эту пору, потому оделся теплее обычного. На смену горчичного цвета куртке пришло чёрное кашемировое пальто. Он возлагал огромные надежды на эту встречу. Ведь лучшего способа отвлечься от тягостных мыслей о предмете взыгравшей любви, пожалуй, не найти.

Давая смутную оценку своим чувствам, Никита по-прежнему избегал называть свою хворь любовью. Постоянный мозговой штурм только загонял его в угол. А что же это, если не любовь? Сначала она заставила его летать. Никогда ещё вкус жизни не казался ему таким сладостным! А потом она растоптала его. Руки опустились, а глаза потухли. Теперь он с равнодушным взглядом смотрел на мир, где раньше видел чуть ли не отдельную жизнь каждого предмета, потом переносимую на холст. Холодно взирал, как мимо проходят девушки, длинноногие, в коротких платьях, улыбающиеся ему с превеликой охотой. И уже не оборачивался, как раньше, чтоб оценить их фигуру в полном ракурсе. Кисти и холсты стояли в сторонке, и он с леню поглядывал на них. Телевизор работал постоянно, но он не вникал в фабулу киноленты. Иногда его охватывала злость за свою слабость перед незнакомой женщиной. И зачем он так убивается? Было бы из-за кого! Может она не такая, как он себе напридумывал. Ведь Элю он тоже счёл великой находкой, а она оказалась пустой конфетой с красивой оберткой. Но спустя час злость проходила, и ему становилось неуютно, что он так плохо думал о незнакомке. Нет, она не такая, как Эля! Она вежливая, милая и с необычными глазами. Время давало ему возможность скрупулезно импровизировать её прошлое и настоящее. И всё, что приходило ему на ум, не радовало Никиту. Его снова угнетала тоска. Теперь он был бы рад вырвать своё сердце, терзающее опостылевшим чувством. Полная уверенность, что любви с первого взгляда не существует, дала огромную трещину. Неужели воля злого рока решила проучить невежду за бестолковую самоуверенность? Он понимал, что душевный недуг набирает обороты. Ему хотелось получить взамен ответные ощущения теплоты, и от этого желания ещё хлеще одолевала печаль.

Неделя для него длилась, как вечность, и, не выдержав одиночества, Никита бросился искать утешения у Элеоноры. Он перекочевал из своей маленькой квартиры в её трехкомнатную обитель. Та растерялась, увидев его на пороге с чемоданом. Она неоднократно предлагала начать совместную жизнь в просторной квартире, но Никита постоянно откладывал, ссылаясь на нехватку времени на переезд и массу других нелепых отговорок. Он никак не мог свыкнуться с тем, что будет лицезреть Элю больше двух часов в день.

Событие казалось Эле неожиданным только первые минуты. Она не стала задавать вопросов о переезде, потому что знала: никто не в силах устоять перед Элеонорой Виноградовой – любимицей богатого отца, истым сокровищем для любого мужчины. Эта мысль необычайно льстила ей, и самооценка её взлетела выше небес. Она и не думала замечать, что их отношения катились ко всем чертям...

А между тем смена одиночества на другой способ уничтожения не оправдала ожиданий парня на спасение от воспоминаний о девушке, превратившей его существование в семь кругов ада. Обманывая себя день за днем, что завтра депрессия сменится повседневным интере-

сом к внешнему миру, Никита отпустил ситуацию. Он старался жить, как мог. Как умел. До знакомства с кудрявой обольстительницей.

Скудность быта с Элей начинала раздражать его. Ему было неинтересно с ней, а ещё грустнее сознавать, как будут развиваться их несуразные отношения. Все её недостатки раскрылись ему, как на ладони. Он притворялся, что не видит скудость и неопрятность её разбросанных мыслей; что не замечает, как убог её внутренний мир, не способный воспламениться высоким чувством из-за лютого эгоизма. Её умение задирать планку особенно злило его, и в те минуты ему казалось, что в 1861 году не состоялась отмена крепостного права, и он её раб. Его жалило неутешительное её представление о нём, как о художнике. Не раз она намекала, что рядом с ней Никита ни в чём не будет нуждаться, и в случае, если его картины затопчет критика, она возьмет его под своё теплое крылышко и уберезет от бедности.

– Ты всегда можешь положиться на меня, – говорила ему Эля неоднократно, – слава у тебя будет, ведь встреча со мной и есть твой выигрышный билет. Я поговорю с папой, и он организует тебе местечко получше твоей галереи в тысячу раз. И когда придет время меня благодарить, не делай этого. Это меня унизит. Я люблю тебя, мне для тебя ничего не жалко.

В те мгновения Никита смотрел на неё долгим, пристальным взглядом, который разгадать она не сумела. Эля гордилась своим подвижничеством. Она садилась к нему на колени и пылко целовала, и за ослепительной гордостью не могла углядеть, как его губы с трудом открываются, чтобы ответить ей на желание. Он убеждал себя, что половина населения живет в браке без любви; в конце концов любовь все равно пройдет – останется только привязанность, а у них с Элей всего-навсего ускоренный финал. Вспоминая начало романа и огромную симпатию к ней, он обременил себя надеждой, что чувства к Эле вернуться. Он твердил себе, что любовь к незнакомке сделала его раздражительным, придирчивым, и Эля тут не причем; он сам изменился и слишком требователен к девушке, которая осталась собою. Нужно потерпеть, и он привыкнет к ней.

Но вся эта благотворительность в нем выветривалась, как только Эля снова заговаривала о везении Никиты, основанном на встрече с Элей. Он еле сдерживался, чтоб не нагрубить ей, и продолжал молча слушать, как расточительница отцовского капитала распалялась о трендах месяца, о новом платье с показа мод в Москве или о жизни бестолковых подруг. Никита не спорил с ней, не выражал личного мнения, но и должного внимания не уделял ей ни как женщине, ни как человеку, пропуская весь песок бесполезной информации мимо ушей.

Питались они исключительно в ресторане. Иногда её лень и охватившее *его* безразличие к публичным местам диктовали неподходящей парочке оставаться дома. И тогда курьер из службы доставки неоднократно спасал их от голода, а выбранный по её усмотрению фильм дождливым вечером спасал от бестолковой болтовни невесты. Бесцельно смотря в телевизор, он снова думал и снова метался в решениях: уйти или остаться. Иногда ему так хотелось покинуть город, лишь бы не встречать больше Элю, что он уже посматривал работу и жилье в пригороде. Но потом его нарастающая апатичность к жизни и творческие планы расставляли всё по местам. Он понял, что тяга к приключениям с другими женщинами в нём исчезла, и заводить новую страсть ему не хотелось; опять будут ссоры, притязания, упреки, на которые у Никиты не осталось сил. Эля, Маша, Даша – какая разница? если все они будут требовать от него взаимности и ласки, а он не сможет этого дать. С Элей всё-таки он знаком давно, и основные пожары их союза уже позади. Потому Эля стала для него верным способом не зарыться до конца в мире неоправданных иллюзий. Он искал спасения. И лишь веселые встречи допоздна, где смех разносился по стенам пивной, галереи и бильярдной в компании Сергея Краснова немного скрашивали его быт. Заряжаясь положительной энергетикой и стойким терпением, он возвращался в двуспальную постель к Эле, завернутой в шелковый кокон.

Работа в офисе чередовалась с решением технической стороны обустройства галереи в обеденный перерыв. Всё, что он делал, было направлено исключительно на то, чтобы забыться.

Порой ему удавалось отвлечься. Дышать становилось проще и свободней, но потом снова захлестывали феромоны притягательного образа девушки, убегающего прочь. Он никак не мог отделаться от мысли, что жизнь потеряла сочность красок.

Никита вошёл в кафе и занял свободный столик. Заказав кофе, он погрузился в глубокие раздумья и не увидел, как сзади подошла девушка.

– Угадай кто? – пропищала она, закрывая руками глаза Никите.

– Надеюсь, не судебный пристав, а то я не успел оплатить налог за машину.

– Нет, будущий юрист. Но ты был очень близок.

Софья Соколова крепко сцепила руки на шее Никиты, прижимаясь к его гладкой щеке.

– Не представляешь, как я скучала, братишка!

Софья обошла брата и повесила пальто на вешалку.

– Ты как всегда опоздала. Я уже начал думать, что ты познакомилась с толстым молочником и выскочила замуж.

Притворное недовольство Никиты сменилось хитрой улыбкой, обнажая привлекательные ямочки на щеках.

– Значит, такого ты обо мне мнения?! – изображая обиду, она села, откинувшись на спинку лавки и запрокинула голову.

– Только самого лучшего, – Никита осмотрел Софью веселыми глазами. – Тебе идет каре!

– Я знаю, – язвительно улыбнулась Софья, а Никита издал короткий смешок.

Софья действительно выглядела отлично: искрящая благополучием, молодостью, безупречно одетая, согласно трендам осени. За счёт высоких каблуков и юбки чуть выше колен, её ноги, казалось, росли от ушей, а небесного цвета блузка добавляла глубины её ясно-голубым глазам. Пепельный оттенок волос подчеркивал фарфоровую кожу без видимых изъянов, а стрижка в стиле удлинённого каре делала её моложе своих лет.

– Я сгораю от любопытства и жажды. Но если хорошенько подумать, то больше от жажды. Что ты пьешь?

Она обвела быстрым взглядом зал в поисках официанта.

– Двойной эспрессо, – невинно сказал Никита.

– Какая гадость! Жизнь итак полна горечи, а ты всё усложняешь, – она глянула на чашку с кофе. – Ручаюсь, без сахара!

Никита засмеялся.

– Ты что будешь?

– По меньшей мере капучино.

– А по большей?

– А по большей: дом на берегу моря, во дворе мокрого полуголого спортсмена, который принесет мне много-много вкусных водянистых коктейлей, потому что напоминаю: я просто умираю-а-аю от засухи!

– Пожалуй, обойдемся меньшей мерой, – усмехнулся Никита.

В радиусе занятого ими столика ещё не наблюдалось персонала.

– К сожаленью, от жажды тебя спасёт не мокрый спортсмен.

– Мокрый полуголый. Прошу заметить!

– Извини, извини! На спортсмена я, вообще-то, не тяну, но сестру из рук засухи вырвать сумею.

Никита проследовал к барной стойке и через пару минут вернулся с чашкой кофе и маленькой плиткой горького шоколада на блюде.

– Позволь угадаю, – ехидно произнесла Софья, – что ты нашёл в забегаловке, где даже официанты прячутся от своих клиентов!?

– Я и сам не догадываюсь. Открой мне глаза!

– Бесплатную шоколадку. Та-да-а-ам!

Никита обворожительно улыбнулся, и на смуглом лице вновь обнажились ямочки.

– И давно это у тебя!? – спросил он.

– Что именно?

– Большие способности в дедукции?

– Раньше, чем Конан Дойл прославился Шерлоком Холмсом.

Аромат вкусного напитка на секунду заставил Софью отвлечься от разговора и прикрыть глаза от удовольствия. Она сделала два аккуратных глотка и спросила:

– Как твоя картинная галерея?

– Превосходно, готовлюсь к открытию.

– Что будешь в ней представлять?

– Есть пара весьма необычных идей... Но их нужно хорошенько продумать.

Софья вопросительно посмотрела на брата, но спрашивать не стала, зная его привычку отмалчиваться, если тот не готов раскрыть карты.

– Неужели муза Элеонора так вдохновляет моего братика творить истинные шедевры?

Никита выдал снисходительную полуулыбку, но ни словом не обмолвился.

– Кстати о вдохновителях, – продолжила Софья, ни капли не задетая молчанием брата. – В среду звонила Эля, спрашивала совета, где отметить день рождения. Я предложила кафе, где скоро буду работать. Оно откроется как раз весной. Всё-таки место новое, не то что заезженные ресторанчики в стиле её манерного амплуа. К моему удивлению, она заинтересовалась. Ты знаешь, Женька – хозяйка кафе, так здорово всё придумала: меню, интерьер, место! Я в восторге от неё!

– Да-да, помню: звонок посреди ночи... Ты хотела выплеснуть бурю эмоций от знакомства с ней. И, похоже, я ничего не пропустил! – Никита вкрадчиво осмотрел сестру, сгорающую энтузиазмом.

– Ну ты вредный! Ты не представляешь, какая она замечательная! Мы с ней так подружились, что я вызвалась помочь ей в обустройстве кафе. У меня ведь масса свободного времени, пока не началась сессия. Да и хорошая прибавка к зарплате мне обеспечена. Она великолепная девушка, вас непременно нужно познакомить!

– Такая великолепная, что одинока? – съязвил Никита.

– Зря ты не веришь. Вот увидишь её и скажешь: сестра была права!

– Боюсь, что меня больше не интересуют знакомства с девушками.

– Это от чего же? Неужели ты правда любишь Элю? Тогда у тебя нет мозгов! – Софья скрестила руки на груди.

– Ладно, ладно, не обижайся, – улыбнулся Никита. – Просто звонить мне в три ночи, чтоб рассказать о своей начальнице – это уже слишком.

– Глупый, мне просто хотелось поделиться с тобой! А в первую очередь услышать твой голос...

Софья осторожно подводила к теме, которую давно собиралась обсудить с ним. На её фарфоровом лице появилась лёгкая грусть.

– Я так скучаю по вечерам, когда мы садились за стол вместе: я, ты, мама и папа... Ники, в последнее время он ходит такой хмурый и подавленный. И ты не хуже меня знаешь причину. Позвони ему!

Софья положила горячую ладонь на руку брата, стараясь найти в миндальных глазах оправдание последней надежде на мир и спокойствие.

– Нет, нет и ещё раз нет! – отрезал он. – Я не стану обсуждать эту тему.

Смягчившись к концу предложения, он потрепал сестру за щеку.

– Достаточно того, что ты суешь свой маленький носик в мою личную жизнь.

– Интересно, кто кроме меня тебе скажет правду? Твоя Эля – гримза! Кстати, ты не передумал на ней жениться?

– Ты первая узнаешь о моём решении, когда придёт время. Наберись терпения.

– Ты осел!

– А вот это обидно.

– Ты вечно упрямишься, а потом жалеешь. Уж поверь, твоя Эля – тот ещё сотейник. Она поджарит тебя до хрустящей корочки, и твоя сочность будет загублена. Но ты же слишком умный, чтоб пользоваться чьим-то добрым советом, и поэтому я «умываю руки»! – она сделала глоток кофе, слегка покрасневшись от собственной напыщенности. – А подарок ты ей приготовил?

– Не сомневайся. Мама только достанет его из пыльной шкатулки.

– Так-так... Попахивает гадкими манерами альфонса.

– Скорее маменькина сына!

Они от души рассмеялись. Обоюдная ирония только разжигала в них живительный интерес к диалогу. Внешне сходство брата и сестры было невелико, зато внутренне – совсем другое дело.

– А как же та девушка с углями-глазами?

– Глазами-агатами, – поправил Никита.

В коротком контексте по телефону Никита поделился с Софьей, что встретил девушку, покоровшую его сердце проникновенным взглядом, после чего присвоил её очам имя драгоценного камня.

– Какая разница, глаза-угольки не хуже звучит! – парировала Софья.

Никита резко поменялся в лице. Ему не хотелось развивать наболевшую тему, но и держать в себе, оставаясь один на один с упованием на встречу, потерпевшим фиаско, больше не мог. А Софья подходила на роль слушателя как нельзя лучше. Он знал, что сестра сумеет сохранить любовную тайну.

– Я искал её... Искал и надеялся. Но судьба больше не столкнула нас. И, вероятнее всего, никогда не столкнет.

Тусклый огонёк безысходности обуял его сущность: голос, глаза, тело. В движениях прослеживалась нервозность, а грусть излилась на смуглом лице страдальческим видом. Он опустил голову, а Софья сохраняла безудержный напор.

– Предположим, ты женишься. А она попадетя тебе на улице или в магазине. И каковы будут твои дальнейшие действия? Развод? Я раньше не видела тебя в такой печали, это ведь о многом говорит!

Софья была права, и Никита понимал это. Отпив глоток из чашки, он поставил её на блюдце. Пустой взгляд терялся в чёрном осадке на дне. Несколько секунд он молчал, затем голос его утратил сентиментальность.

– Потому что раньше я не гонялся за призраком. Я добивался любую из девушек в день нашего знакомства, если такова была моя цель. Я никогда её не найду, пойми! Надо смотреть правде в глаза. Жизнь – штука не вечная... – не договорив до конца, он обратился к проходящему мимо официанту с просьбой принести счёт и продолжил. – Да, женюсь я на другой, но в моей голове и моём сердце будет жить только она.

– Что ж... Вижу, ты всё решил, – Софья тяжело вздохнула, бросив взгляд на ручные часы. – Я ведь и о деле хотела поговорить. К открытию кафе нужно подготовить рекламные буклеты, и я пообещала Женьке, что всё устрою. Я же всё устрою?!

Софья виновато заморгала, и Никита рассмеялся над потешным лицом сестры.

– Разве я могу тебе отказать? Я временно замещаю Макса, так что никаких проблем.

– Отлично, отправлю тебе данные вечером.

Никита подумал, что ведёт себя, как самовлюбленный эгоист, потому что до сих пор ни слова не спросил о жизни сестры.

– А когда же я увижу тебя счастливой в руках надёжного парня?

– Боюсь, ты скорее станешь отцом.

Никита сузил глаза.

– Я никогда не видел твоих ребят и начинаю сомневаться, что с тобой всё в порядке...

– Да уж. Очевидно, папе не повезло с детьми: ни полицейских в роду, ни рождения внуков в ближайшие годы ему не грозит.

Брат с сестрой расхохотались; на сердце Никиты отлегло. Разговор по душам облегчил тяжелую ношу человеческого креста. Заплатив по счету, они вышли из кафетерия.

– Ты сейчас куда? – спросил Никита.

– Заскочу на будущую работу.

– Зачем?

– На днях забрала пальто из химчистки и за разговором забыла его у Женьки в кафе.

– Поехали, я тебя довезу.

Они сели в машину и тронулись в путь под сводом сгустившихся серых туч. Одноэтажное здание кафе с бежевой облицовкой стояло в одной линии с двухэтажными домами и коммерческими помещениями на тесной асфальтированной улице. Выглядело оно унылым и заброшенным. На больших широких окнах висели старые пыльные жалюзи, а сквозь частые щели наружу пробивался тусклый свет лампочки. Вокруг не доставало дворника, освободившего бы улицы от сухих, опавших листьев. Скрашивали мрачную картину лишь горы, видимые позади перечисленных зданий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.